

САВЧЕНКО А. Н.

ЛИНГВИСТИКА РЕЧИ

Ф. де Соссюр, провозгласивший необходимость разработки лингвистики речи наряду с лингвистикой языка, сам, как известно, занимался только лингвистикой языка. До недавнего времени по такому пути шли и все другие языковеды. Наиболее полно это проявилось у представителей структурализма, за исключением ученых, принадлежавших к пражской школе, которые, вследствие функционального подхода к языку, уделяли внимание и некоторым вопросам речи (функциональные стили, поэтическая речь). Однако в последнее десятилетие интерес языковедов к исследованию речи все более усиливается. Это заметно по работам в области психолингвистики, лингвистики текста, во внимании к коннотативным элементам значения слова и к его сочетаемости. Видимо, лингвистика достигла того уровня, на котором исследование речи становится весьма актуальным.

Языковеды, не признающие различия между языком и речью, отказываются и от термина «лингвистика речи» и выдвигают идею лингвистики, соединяющей (по существу — смешивающей) в себе изучение языка и речи, которую называют коммуникативной лингвистикой, или прагматической лингвистикой. В нашем языкознании наиболее решительно эту идею выдвинул Г. В. Колшанский [1]. Такой подход отличается от предмета лингвистики речи не только терминологически, но и по существу. Он не отражает природы языка и речи и приводит исследователя языка к большим трудностям. В этом легко убедиться.

Язык, как общепризнано, есть система знаков (добавляю: и значений), служащая людям универсальным средством общения и тесно связанная с сознанием языкового коллектива; но это не есть сам процесс общения или процесс сознания. Речь же есть процесс сознания, выражаемый посредством языковых знаков. Язык есть материал для построения речи; речь же — это, образно выражаясь, здание для мысли (точнее — для процесса сознания), возводимое из этого материала, причем характер здания определяется не только свойствами материала, но и свойствами индивидуального сознания человека. Язык — не искусственное создание лингвистов. Он объективно существует в речи. Язык — это все устойчивое, общенародное, нормированное в речи. Но язык существует и субъективно — в памяти языкового коллектива, причем существует не просто как масса разнородных элементов, а как сложная система, объединенная сетью оппозиций (фонетических, морфологических и, в известных пределах, лексико-семантических). В процессе общения система эта с ее оппозициями не осознается, она пребывает в подсознательной сфере психики, но бывают моменты, когда человеку нужно осмыслить тот или иной участок языковой системы (например, при сопоставлении родного языка с чужим), и тогда оппозиции языковых единиц выступают явно.

Возражая против различения языка и речи, Г. В. Колшанский приводит в качестве примера минерал, который в естествознании не разделяется на конкретные куски того или иного минерала, и абстрактное понятие «минеральности» как определенной закономерности размещения молекул и атомов вещества. В отличие от этого языковеды создали свой идеальный «язык» в качестве набора правил, моделей и т. п. и признали эти модели самостоятельным объектом изучения [1, с. 56]. Но пример минерала ничего не может прояснить в языкознании, потому что минерал не имеет знаковой природы и не связан с человеческим сознанием. Язык же есть

сложнейшая система знаков, которая постепенно усваивается каждым человеком, сначала — естественным путем, от окружения, потом — в процессе школьного обучения. Языковые знаки, правила и модели — не выдумки языковедов, а то, чем реально руководствуется человек в построении своей речи, что он должен знать для того, чтобы общаться с другими, и что должно поэтому самостоятельно изучаться. Речь же есть результат соединения языковых знаков с индивидуальным процессом сознания, а это соединение требует определенного творчества от человека, причем языковые знаки приобретают новое качество.

Уже самый факт соединения словесного знака с процессом сознания вносит нечто новое в его природу. В языке слово является названием, обозначением того или иного понятия, обобщенного образа, класса предметов или явлений действительности, т. е. единицей номинативной, и значение его, как и всякого знака, за редкими исключениями, имеет обобщенный характер. В речи же слово становится составным элементом единого целого — предложения и через него — текста или диалога. Оно становится элементом коммуникативной единицы, основным признаком которой является предикативность. Содержание предложения в принципе не равняется сумме значений составляющих его слов. «Предложение, — писал Э. Бенвенист, — это целое, не сводящееся к сумме его частей; присущий этому целому смысл распространяется на всю совокупность компонентов. Слово — компонент предложения, в нем проявляется часть смысла всего предложения. Но слово не обязательно выступает в предложении в том же самом смысле, который оно имеет как самостоятельная единица» [2, с. 133]. Содержание предложения зависит от предшествующего или последующего контекста или от предшествующей реплики в диалоге, в нем проявляется действие пресуппозиций, в нем может возникнуть эмоциональность, не заключенная в отдельном слове, смысл его может подвергаться особым трансформациям под воздействием интонаций и в случаях иронии становится противоположным тому, который заключен в значениях слов. И слово, включаясь в предложение, теряет обязательную обобщенность своего значения; оно может остаться обобщенным, если предложение выражает обобщающую мысль, и может стать отражением конкретного, единичного предмета (явления, признака), если предложение относится к конкретной ситуации. На значении слова в предложении отражается и контекст, и предшествующая реплика в диалоге, и пресуппозиции, и интонация.

Может быть, все эти свойства слова и предложения следует приписывать языку, как рекомендует Г. В. Колшанский? Некоторые факты показывают, что это неверно. Язык есть устойчивая система знаков и значений, передаваемая из поколения в поколение (с некоторыми видоизменениями, возникающими под влиянием речи). Каждое поколение усваивает слова в их основных, номинативных, обобщенных значениях, а не в тех индивидуализированных, которые возникают у них в предложениях. Каждое поколение усваивает структурные модели предложений в их общем, регулярном виде, а не в модификациях, возникающих при соотношении предложения с внешней ситуацией. Это еще более наглядно наблюдается при усвоении человеком чужого языка как путем школьного изучения, так и при постоянном общении с иностранцами. Набор слов с их номинативными, обобщенными значениями и структурные схемы предложения служат для каждого человека основой при образовании разнообразных вариантов значений и конкретных структур предложений. И если именно эти наборы слов и схемы предложения изучаются в школе, то не потому, что языковеды так придумали, а потому, что без сознательного и совершенного владения этой основой не может быть культуры речи.

По наблюдениям психологов, мысль до ее речевого выражения имеет смутный, неосознанный, неуправляемый характер, она находится в текущем состоянии и легко, по различным психологическим ассоциациям, связывается с другими мыслями. Четкую форму мысль приобретает только через речевое выражение. По словам Ф. В. Бассина, «то, что зафиксировано в развернутой речи, приобретает стабильность, утрачивает смут-

ные, зыбкие очертания субъективного переживания, становится надиндивидуальным, социальным фактором, орудием общения, „именем“ объекта и потому феноменом, ясно осознаваемым. Но за все эти привилегии надо платить. А плата заключается в ущербе, который этими преимуществами наносится способности дальнейшего развития смысла, в ослаблении способности к легкому установлению новых связей оречевленного смысла с другими смыслами» [3, с. 741]. Для того, чтобы придать этим зыбким, колеблющимся мыслительным образованиям речевую форму, нужно расчленить мысль сообразно с возможностями языка и воплотить ее в сочетании словесных значений. При этом речь должна быть в ы р а з и т е л ь н о оптимальной, т. е. адекватной содержанию мысли. Человек должен выбрать наиболее адекватный способ расчленения мысли и обозначения элементов ее, притом таким образом, чтобы эту мысль нетрудно было связать с другими. А в индивидуальной мысли могут быть такие нюансы, такие особенности, для которых нет в языке вполне адекватных готовых средств, и говорящий для верного выражения должен по-своему сочетать слова, видоизменять их значения, применять особые интонации. Чтобы быть адекватным, выражение должно быть прежде всего оригинальным, а использование готовых образов, трафаретов не передает всего своеобразия индивидуальной мысли, не дает возможности ярко выразить возникшие у человека образы.

Речь должна быть также к о м м у н и к а т и в н о оптимальной, т. е. быть наиболее удобной для общения. Для этого она должна быть четкой, логически последовательной и краткой. Излишние слова задерживают передачу информации и вызывают у слушателя чувство недовольства. Требование четкости и последовательности вынуждает говорящего в монологической речи подбирать слова, логически наиболее правильно сочетающиеся в предложении, и, произнеся предложение, намечать последующие предложения, следя за логической последовательностью развертывания мысли. Требование краткости побуждает искать слова, которые могли бы заменить целые словосочетания, и, соотнеся речь с внешней ситуацией, не обозначать словами то, что ясно из самой ситуации. Возникают эллипсисы; структурные схемы предложений, утвердившиеся в языке, подвергаются изменениям до такой степени, что одно слово может выполнять функцию предложения.

Кроме того, речь должна быть э м о ц и о н а л ь н о оптимальной, т. е. ярко, впечатляюще выражать чувства говорящего и воздействовать на чувства слушающих. Это свойство в полной мере проявляется только в речи. Средства эмоциональности речи тем эффективнее, чем они оригинальнее, новее, и это вынуждает говорящего не ограничиваться эмоциональными словами, вошедшими в лексическую систему языка, и устойчивыми, общепринятыми метафорами и сравнениями. Говорящий придает эмоциональность другим словам за счет особых сочетаний и интонаций, создает свои метафоры, сравнения и другие образные выражения, творчески применяет синтаксические средства, способные придавать речи эмоциональность, широко пользуется модуляциями своего голоса.

Творческое обращение человека со словом порождает взаимодействие между значениями слов в тексте. В речи появляется такой мощный семантический фактор, как контекст, который создает неограниченные возможности варьирования значения слова, расширяет стилистические свойства слова, наделяет слово способностью к эмоциональному воздействию на человека.

Поскольку сознание человека действует на основе его практики и постоянно взаимодействует с внешней ситуацией как элементом практики, языковые знаки, соединяясь с сознанием, также соотносятся с внешней ситуацией, что со своей стороны воздействует на значение слова и приводит к сокращениям в структуре предложения.

В речи действует также такой мощный незнаковый фактор, как интонация, который отражается на свойствах слова. Синтаксические интонации (интонация простого предложения, придаточного предложения, обособленного второстепенного члена и т. п.) принято включать в граммати-

ческую систему языка, и с этим можно согласиться. Но интонации, выражающие отношение человека к предмету речи, интонация эмоционального и волевого назначения представляют собой чисто речевое явление, их неверно включать в систему языка, потому что они не являются знаками, поскольку не имеют условных значений, а действуют в речи как природное, врожденное свойство человека; они не усваиваются от других, не запоминаются, как все языковые знаки, а применяются человеком и понимаются другими как природные модуляции голоса, непосредственно воздействующие на эмоции. Интонация может изменять общий смысл выражения, придавая слову и предложению противоположный смысл, как в случаях иронии, и является важнейшим фактором эмоциональности речи.

В результате действия этих факторов слово приобретает в речи свойства, каких оно не имеет в системе языка, и, несмотря на то, что речь состоит из тех же знаков, что и язык, между ними есть различия, которыми нельзя пренебрегать. Конечно, можно утверждать, что контекст и соотнесение с внешней ситуацией являются свойствами самого языка, и требовать последовательного монизма (т. е. включения явлений речи в язык) на всех уровнях анализа, как поступил Г. В. Колшанский [1, с. 58, 62], но этот принцип ведет в теории к искажению природы языка, а в практике описания и изучения языка — к непреодолимым затруднениям.

Начнем с лексикологической и лексикографической практики. Слова при всей своей многозначности и вариантности имеют вполне определенные значения, которые фиксируются в словарях. По различным своим значениям слово по-разному соотносится с другими словами. В толковых словарях приводятся обычно и некоторые распространенные контекстуальные значения, которые с трудом поддаются определению. Но в речи встречаются и такие значения слова (особенно — при метафорическом употреблении), которые невозможно охватить в словаре. К примеру, значение слова *собака* определяется в словаре под ред. Д. Н. Ушакова как «четвероногое прирученное или домашнее животное, издающее характерные звуки (лай) и служащее человеку в домашнем быту, преимущ. для охраны имущества, на охоте для отыскивания и преследования зверя или птицы и т. д.» и в качестве отрицательной характеристики «хищник, насильник», «негодяй, презренный человек» (*собаке собачья смерть*). Последние значения — метафорического происхождения, но вследствие распространенности их прямое значение слова в этих случаях угасает и господствует переносное. В словарной статье приведены также фразеологизмы, в которых данное слово утратило свое значение (*вот где собака зарыта, собак вешать, собаку съест* и т. п.). Но в «Тарасе Бульбе» Гоголя есть такое место: «Вишь какой батюко, — подумал про себя старший сын Остап, — все, старая собака, знает, а еще и прикидывается». Остап подумал это на пирушке, устроенной отцом по случаю приезда его с братом в родной дом, будучи прекрасно расположен к отцу, и слово *собака* не является здесь отрицательной характеристикой. А О. Л. Книппер-Чехова в письмах к А. П. Чехову нередко подписывалась *твоя собака*. Нужно ли на этом основании добавить к словарной статье, что слово *собака* означает также положительную характеристику человека и что оно обозначает человека любящего, преданного? Очевидно, что нет. Это было бы совершенно неверно, потому что, во-первых, такие употребления данного слова индивидуальны и нельзя приписывать их языку русского народа; во-вторых, в этих случаях слово *собака* не теряет своего прямого значения, но в порядке образного выражения получает еще вторичное, эмоциональное значение, что создается в речи, но не входит в систему языка. Монизм в лексикологии сделал бы невозможным четкое определение языкового значения слова и отношения его к значениям других слов.

На это могут возразить, что приведенный аргумент касается удобства описания языка, но не сущности языка и речи. Однако, во-первых, возможности описания и изучения языка весьма существенны для характеристики его самого, потому что язык усваивается каждым человеком от других, и это происходит не только в детстве, но и в более зрелом возрасте. Во-вторых, указанные затруднения возникают при монистическом

описании лексических значений не случайно, а вследствие затушевывания знаковой сущности языка. Язык — система знаков, связанных между собой определенными отношениями, вследствие чего Ф. де Соссюр выделил в языковом знаке, кроме значения (отношения знака к денотату), еще значимость, ценность (отношение знака к знаку). Включение в язык продуктов индивидуального речевого творчества, контекстуальных явлений, образного употребления слова размывает границы между значениями слов, затушевывает отношения между ними и тем затемняет системность языка. Философ В. В. Лазарев указал на то, что понятие значимости, выдвинутое Ф. де Соссюром, является свойством языка, в то время как в речи каждое слово направлено только на процесс сознания, соотносится с тем или иным элементом его, и отношение его к другим словам в системе остается в стороне. Он сформулировал следующий вывод: «По существу все рассуждения Ф. де Соссюра о языковой значимости и с концептуальной, и с материальной ее стороны сводятся к политике разграничения языковых и речевых единиц коммуникативной деятельности. Он проводит принципиальное различие между языковой концептуальной значимостью как системой реляционных свойств и речевым значением как отражением абсолютных онтологических свойств» [4, с. 92]. Такой подход де Соссюра он считает важным достижением лингвистической теории, и в этом он прав. Различие языка и речи является результатом двойственности природы языка. С одной стороны, язык есть система знаков, так прочно связанных между собой сетью парадигматических отношений, что де Соссюр назвал его даже системой чистых отношений. Но, с другой стороны, язык является выражением сознания, вследствие чего его знаки должны связываться между собой синтагматическими отношениями таким образом, чтобы образовывать единое целое, контекст, полностью соответствующее содержанию сознания и стремлениям говорящего, что требует творчества от говорящего.

До сих пор мы оперировали материалом лексики. Грамматика, в которой главную роль играют внутренние отношения, больше относится к области языка, но и в ней есть речевой аспект. Только в речи полностью осуществляются такие семиологические функции языковых знаков, указанные Ю. С. Степановым, как предикация и локация (в языке есть только средства для них), и широко разворачивается взаимодействие грамматики с лексикой. Последнее свойство грамматики успешно исследует А. В. Бондарко в своей теории функционально-семантических полей. Эти поля он разделяет на моноцентрические и полицентрические. Моноцентрические поля образуются вокруг определенных грамматических категорий, являющихся элементами языка (они больше принадлежат языку). Полицентрические поля представляют собой объединения разнородных грамматических и лексических средств, выполняющих в речи сходные функции или же сочетающихся между собой в одной функции (они больше связаны с речью). При этом А. В. Бондарко считает обязательным при исследовании всякого функционально-семантического поля доходить до конкретного высказывания [5, с. 493].

Объединение в едином, монистическом описании грамматического строя системы грамматических форм, синтаксических структур и всего разнообразия функционально-семантических полей вряд ли могло бы получиться удовлетворительным. Такое описание неизбежно распадается на структурную и функциональную грамматику.

В лингвистике существует мнение, что концепция языка как сложной системы разнородных единиц, связанных между собой оппозициями различного рода, основанная Ф. де Соссюром и развиваемая дальше его последователями, являвшаяся искусственным построением языковедов. Оно продиктовано стремлением не отставать от новых течений, возникавших в разных науках, быть на уровне своего века и не отражает реальности языка. Реальный же язык — это сам процесс речевого общения, и в нем отсутствует системность.

С этой точки зрения работы по фонологии и грамматике различных языков отражают только системы абстракций, создаваемые языковедами,

но не сами языки. Однако изучение иностранных языков наглядно демонстрирует тот факт, что изучение работ по фонологии и грамматике является необходимым этапом на пути к овладению конструкциями живой речи и в конечном итоге приводит к возможности общения на иностранном языке. Единицы фонологии и грамматики и оппозиции между ними, устанавливаемые лингвистикой, — не выдумки языковедов, а реальность языка. Правда, в процессе речи люди не думают об этой реальности, но это не значит, что она не существует. Оппозиции между фонемами русского языка всем говорящим по-русски, за исключением языковедов, неизвестны, но именно вследствие существования этих оппозиций говорящие считают заднеязычные звонкие согласные (смычную и фрикативную) вариантами одного звука, различающимися только тем, что один из них правильный, а другой неправильный, в то время как соответствующие глухие *к* и *х* признаются несомненно разными звуками. Открытое и закрытое *е* русские не считают даже разными вариантами, а вообще не различают их, в то время как для любого француза это совершенно разные звуки. О грамматических формах употребляемых слов люди в процессе речи также не думают. Еще Д. Н. Овсяннико-Куликовский обратил внимание на то, что «грамматическая форма слов мыслится бессознательно, автоматически» [6, с. 11], но именно посредством этих грамматических форм люди связывают слова в речи. Это и есть система языка, точнее — фонетическая и морфологическая подсистемы.

В отношении слов дело обстоит гораздо сложнее, потому что слова являются единицами не только языка (номинативные единицы), но и речи (коммуникативные единицы). Однако и слова входят в определенные оппозиции (в пределах семантического поля, по линии синонимии и антонимии и т.д.). Эти оппозиции в процессе речи обычно не осознаются (а если и осознаются, то слабо), но они детерминируют употребление слова в речи. Так, слово *добрый* может быть синонимом к слову *хороший* или не быть им, в зависимости от того, противопоставляется ли оно слову *злой* или слову *плохой*. Если антонимом его является *злой*, то оно употребляется только по отношению к человеку и обозначает мягкость его характера, расположение к другим людям, желание добра им. Если же оно противопоставлено слову *плохой*, то обозначает то же, что и *хороший*, но с оттенком архаичности (*добрый конь*, *доброе начало*). Это лексическая подсистема языка. В совокупности все подсистемы составляют целостную систему языка. Последняя, как видим, представляет собой не только итог исследовательской работы лингвистов, но и реальную основу речевого общения, несмотря на то, что она пребывает в значительной степени в бессознательной области психики людей.

К бессознательной области относятся, в основном, отношения между знаками. Однако в определенных условиях человек в той или иной степени осмысливает структуру своего языка, и тогда отношения между ними осознаются. В условиях цивилизации это осмысление связано главным образом со школьным обучением, но есть и другой источник его, действующий всегда, — знакомство человека с чужим языком. Необходимость понимать речь на каком-нибудь другом языке, возникающая у людей в разные времена, неизбежно заставляет человека сравнивать чужой язык с родным, а это ведет к осознанию структуры языка и соотношения между его знаками.

Речь же есть выражение сознания посредством языка, и в ней все осознано. В процессе речи вся умственная энергия говорящего направлена на адекватное выражение мыслей, настроения и на воздействие на чувства слушателей посредством языковых знаков; оппозиции между знаками, составляющие характерную черту языковой системы, присутствуют в речи только в скрытом виде. Открыто в речи господствует не языковая системность, а контекст. Если в языке значение слова испытывает на себе влияние единства лексической системы, то в речи над ним доминирует единство текста (или диалога) и предложения как отражение единства содержания сознания и его отдельного акта. Поток сознания соотносится с внешней ситуацией, порождает контекст и нуждается в творчестве гово-

рящих. Речевое творчество имеет не только индивидуальный, но и коллективный характер и осуществляется на основе жизненной практики людей.

Оттого что язык формируется и видоизменяется в массовой речи (в течение веков), а речь определяется общественной практикой, язык не может быть системой строго последовательной и гармоничной, но никто и не утверждает, что система языка логически правильна, непротиворечива и математически жестка. Общеизвестно, что в системе языка всегда есть внутренние противоречия и нет полной гармонии.

Не меньшие затруднения и в теории, и в практике возникают тогда, когда языку приписывается соотнесение с внешней ситуацией речи. Последнее больше всего отражается на структуре предложения. В определенных ситуациях предложение может приобретать структуру, не предусматриваемую никакой грамматикой, например, *Вашу руку!* В этом предложении нет ни подлежащего, ни сказуемого, одно только дополнение с определением. Но Г. В. Колшанский, руководствуясь монистической установкой, утверждает, что в предложении нет второстепенных членов, а есть только субъект и предикат, выражающие субъект и предикат мысли. Полностью эта мысль могла бы быть выражена так: *Дайте пожать Вашу руку. Дайте* — сказуемое, следовательно, по-видимому, предикат. Но *руку* не может быть грамматическим субъектом, им может быть только *Вы*. Итак, структура этого предложения такова: *Вы дайте пожать Вашу руку*, где *Вы* — грамматический субъект, а все остальные слова выражают грамматический предикат. Этот вывод ставит нас перед неразрешимыми вопросами. Во-первых, мысль, выраженная в нашем предложении, не обязательно должна быть такой, как мы ее сформулировали. В другой ситуации это может быть *Уберите Вашу руку*, в третьей — *Протяните Вашу руку для перевязки* и т. д. Во-вторых, и это главное, и в выведенной нами структуре грамматический субъект существует только в мысли, а звуками он не обозначен; слово же, обозначающее предикат (*дайте*), также не обозначено звуками. Известно, что единицы языка — единицы двусторонние (единство означающего и означаемого). Может ли существовать в языке единица, состоящая только из означаемого, но лишняя означающего? Вряд ли. Таков один из теоретических результатов неразличения языка и речи.

Соотнесение с внешней ситуацией может отражаться и на употреблении слова. К примеру, если при появлении какого-то мужчины будет произнесено слово *Генерал!*, то в одной ситуации оно может выражать почтение к генеральскому званию данного человека, в другой — насмешку, в третьей — удивление по поводу такого звания у такого человека и т. п. Впрочем, немалую роль в различении этих отношений играет и интонация. Во всяком случае, вряд ли можно сказать, что выражение этих отношений входит в языковое значение данного слова. Очевидно, что во всех ситуациях слово *генерал* имеет одно и то же значение, а выражение индивидуального отношения говорящего к денотату этого слова достигается речевыми средствами.

Что касается интонации, то она является важнейшим средством, выражающим отношение говорящего к предмету речи, не будучи при этом элементом языковой системы.

Эти факты и многие другие говорят о том, что язык и речь необходимо различать и наряду с лингвистикой языка разрабатывать лингвистику речи, не смешивая их. Но неверно было бы думать, что эти две лингвистики — разные науки, изучающие разные объекты. Обе они изучают один и тот же объект — человеческую речь, но изучают ее в различных аспектах и являются двумя основными подразделениями единой лингвистики. Лингвистика языка изучает речь в аспекте ее знакового состава, свойств знаков, системных отношений между ними и характера системы языковых знаков в целом. Лингвистика речи занимается изучением отношения знаков к индивидуальному процессу сознания, варьирования их в связи с потребностями сознания и творчества, проявляемого человеком в этом процессе. Лингвистика языка опирается на семиотику, лингвистика речи — на психологию.

Что же достигнуто в лингвистике речи и что еще стоит на очереди? Важное значение для лингвистики речи имеют исследования по психолингвистике. Немало сделано в изучении речевых свойств слова, в особенности стилистических свойств, употребления слова в художественном тексте, лексической сочетаемости слов в тексте. А. В. Бондарко успешно исследуются функционально-семантические поля, которые в большинстве случаев складываются на основе речевого употребления слов и грамматических форм. Интенсивно ведутся исследования по структуре текста, и уже выявлены основные средства грамматической связи предложений в сверхфразовом единстве (что, правда, относится не только к речи, но и к языку).

Однако многие важные вопросы еще далеки от решения. Необходимо исследовать пределы, сферы и способы проявления индивидуального и группового творчества людей в речи. В этой области царит еще полная разноголосица — от признания языка областью неограниченного индивидуального творчества до полного отрицания речевого творчества. В области семасиологии нужно разграничить четко языковое значение и речевое употребление слова (образное, эмоциональное, модальное, стилистическое). Нужно исследовать степень возможности и невозможности многозначности слова в речи. Особенно важны вопросы об источниках эмоционального и эстетического воздействия слова на людей.

Многое может дать лингвистика речи и для теории предложения. Анализ предложения с точки зрения выражаемого в нем сознания дает возможность понять, что в предложениях выражаются не только суждения, но и образы, чувства, воля говорящего. Декларативно это обычно признается, но при анализе структуры предложения совершенно не учитывается. Сравнительно недавно было установлено, что, кроме суждения, в предложении выражаются вопрос и побуждение [7, с. 19—26], но другие акты сознания в содержании предложения не отмечаются. Господствует мнение, что содержание предложения всегда состоит из субъекта и предиката, при этом возникает трудный вопрос о субъекте и предикате мысли в номинативных и безличных предложениях. Согласно одному решению, в номинативных предложениях выражается субъект, предикатом к которому является представление о бытии, не выражаемое словесно [8, с. 9, 12]. Согласно другому — в номинативных и безличных предложениях выражаются бессубъектные суждения, состоящие из одного предиката [9, с. 56—57]. Согласно третьему — в этих предложениях выражается предикат суждения, в котором субъект является чувственным представлением, черпаемым из внешней ситуации, и потому не выражается [7, с. 69—70; 10, с. 59—60]. А между тем наблюдения показывают, что номинативные предложения выражают обычно не суждения, а образы. Например, слова из «Бориса Годунова» Пушкина: «Ночь. Сад. Фонтан» явным образом выражают конкретное представление об обстоятельствах свидания Самозванца с Мариной Мнишек, и изображать содержание их в виде суждений типа *Ночь есть. Сад есть. Фонтан есть* или *Это — ночь. Это — сад. Это — фонтан* — значит явно исказить его. Подобное можно сказать и о безличных предложениях. Образ сам по себе един и неделим, но при речевом выражении он расчленяется, и тогда появляется возможность уподобить его суждению и разделить на субъект и предикат. Однако это не обязательно: образ может выражаться и нерасчлененно, одним словом или словосочетанием.

Выражение чувства во многих случаях сопутствует выражению суждения. В таком предложении выделяются члены, выражающие субъект и предикат. Но чувство может выражаться и вне связи с суждением, например: *Как хорошо!, Эх вы, умники!, Безобразия!, Вот так штука!* В таких предложениях, естественно, не может быть ни субъекта, ни предиката.

Побудительные и вопросительные предложения с психологической стороны являются выражением воли (первые — воли к воздействию на поведение другого, вторые — воли к получению информации). Побудительные предложения бывают одночленными, не содержащими ни субъек-

та, ни предиката, например, *Смерть оккупантам!*; *Довольно болтовни!*; *Ни шагу назад!*; *Больше света!*

Это, конечно, не значит, что в приведенных примерах нет предикативности или что они не являются предложениями. Анализ с точки зрения лингвистики речи, т. е. с учетом выражаемого в предложении сознания, ведет и к более обоснованному решению вопроса о предикативности и вообще — о признаках предложения. Приведенные выше предложения свидетельствуют о том, что неверно понимать предикативность как отношение предиката к субъекту в предложении, как это делали М. И. Стеблин-Каменский [11] и некоторые другие ученые, поскольку в такого рода предложениях субъектно-предикатного отношения нет, а предикативность имеется. В наличии предикативности легко можно убедиться, например, если сравнить слово *ночь* с номинативным предложением *Ночь*. Различие оказывается в том, что сравниваемое слово является только названием ночи, а номинативное предложение произносится с особой интонацией, которая означает, что оно соотносится с определенным моментом действительности и выражает утверждение о нем. Этот признак есть во всяком предложении, и именно его Дж. Рис [12, с. 74—75] и В. В. Виноградов [13, с. 12] с полным основанием называли предикативностью и определили последнюю как отнесение содержания предложения к действительности.

Не оправдывает себя и отождествление предикативности с актуальным членением предложения, выдвинутое И. П. Распоповым [14, с. 84—85], прежде всего потому, что актуальное членение есть далеко не во всяком предложении. В частности, его нет во всех приведенных выше предложениях.

С чисто языковой точки зрения подошла к предложению Н. Ю. Шведова [15, с. 85—87]. Она характеризует предложение как высказывание, соответствующее одной из структурных схем, существующих в языке, и обладающее грамматическим значением предикативности. Предикативность же, по ее мнению, есть грамматическая категория, формируемая значениями синтаксических времен и наклонений. Такая концепция вполне оправдывается в применении к структурным схемам предложения, которые входят в систему языка. В этих схемах предикативность представлена определенными формами, выражающими временные и модальные значения. Но реальные предложения, встречающиеся в речи, не укладываются в рамки этих определений. В них предикативность не может быть ограничена грамматическими значениями времени и наклонения. В речи бывают предложения, не имеющие значения синтаксического времени, например, *Волга впадает в Каспийское море*. Поскольку глагол здесь употреблен в форме настоящего времени, принято считать, что в этом предложении есть и значение данного времени. Однако Н. Ю. Шведова с полным основанием утверждает, что «значения синтаксических времен и наклонений имеют свое формальное выражение и выявляются в системе противопоставлений» [15, с. 86]. В структурной схеме глагол *впадает* может противопоставляться формам *впадал*, *впадала* или *будет впадать*, но в данном конкретном предложении такого противопоставления не может быть, это предложение вневременно. А то, что глагол стоит в форме настоящего времени, не имеет значения, потому что во вневременных предложениях глагол может быть и в будущем времени, например, *Что посеешь, то и пожнешь*. И даже если предложение имеет значение времени, то для предикативности это бывает несущественно, особенно в предложениях, выражающих образы и чувства. Для такого номинативного предложения, как *Вновь оснеженные колонны, Елагин мост и два огня* (А. Блок), несущественно, говорит ли Блок о том, что является перед ним в момент речи, или вспоминает образ, виденный в прошлом. Предикативность здесь заключается в самом утверждении образа. В предложениях, выражающих чувства, типа *Безобразие!*; *Эх вы, умники!* существенно также утверждение чувства, но не отношения его к моменту речи.

В. А. Звегинцев подошел к предложению больше со стороны речи. Он полагает, что основные признаки предложения состоят в том, что оно обладает законченным смыслом и соотносится с внешней ситуацией [16,

с. 176—177]. Но почему-то В. А. Звегинцев отрицает термин «предикативность», в то время как наши выдающиеся синтаксисты этот термин употребляли и их определения оказываются более точными. Так, Д. Н. Овсяннико-Куликовский говорил о предикативности и определял последнее как утверждение [17, с. 33]. А. А. Шахматов, считавший смысл предложения сочетанием двух представлений, говорил о предикативном отношении в предложении и определял его как отношение утверждения. В. В. Виноградов основной признак предложения называл предикативностью и определил последнюю как отнесение содержания к действительности. Термин «смысл» отличается от приведенных выше терминов и определений своей неопределенностью. Он еще более сомнителен, чем принятый в школьной грамматике термин «законченная мысль», потому что некоторые языковеды говорят о смысле слова, различая в слове значение и смысл. Чтобы придерживаться этого термина, нужно установить прежде всего, чем отличается смысл предложения от смысла слова. Отличие это указано еще в определениях Д. Н. Овсяннико-Куликовского и А. А. Шахматова: предложение выражает утверждение, в то время как слово — отдельное понятие или представление. А что такое утверждение — определить нетрудно: это простейший акт активного движения сознания. В нем и заключается предикативность. С ним связано и отнесение содержания предложения к действительности, поскольку движение сознания обычно направлено на действительность; однако термин «утверждение» все же точнее, потому что в некоторых случаях содержание предложения относится не к объективной действительности, а к сознанию самого говорящего (ср. *Эта мысль беспокоит меня*).

Что же касается привязанности предложения к ситуации, то она наблюдается не всегда. Предложения вневременного значения не привязаны к какой-либо ситуации.

Термин «утверждение» некоторые лингвисты не решаются применять к предложению потому, что усматривают утверждение только в суждении и не хотят ограничивать предложение рамками суждения. Однако утверждение как акт активного движения сознания есть не только в суждении, но, очевидно, и в побуждении. Образ может возникнуть в сознании человека и помимо его воли, но когда образ получает речевое выражение, он осознается, расчленяется и сочетается с активным движением мысли, т. е. также утверждается. И чувство, когда становится актом сообщения, также сочетается с движением мысли и утверждается. Утверждения бывают не только логические, но и образные, эмоциональные и волевые.

Лингвистика речи обладает наибольшими возможностями анализа единиц языка и речи и выработки единой концепции уровней, охватывающей уровни языка и речи. Не ставя перед собой задачи решить полностью в данной статье эту проблему, попробуем продемонстрировать возможности, о которых идет речь, на примере одной концепции.

Существующие теории уровней обычно ориентированы только на язык. Общепризнаны уровни фонем, морфем, слов и предложений. Из них только уровень предложений может рассматриваться как чисто речевой, но языковеды, выдвигающие эту классификацию, за исключением Э. Бенвениста [2, с. 139], обычно не уточняют, в каком аспекте они берут предложение и относят ли они его к речи.

В. А. Звегинцев под уровнем фонем помещает еще уровень дифференциальных признаков, между фонемой и морфемой помещает еще слог и между словом и предложением — словосочетание [16, с. 47—51]. Эти дополнения вызывают сомнения. Что касается дифференциального признака, то само название его говорит о том, что он есть п р и з н а к единицы языка, но не отдельная единица. А относительно слогов и словосочетаний автор сам признает, что выделение их в качестве отдельных уровней не совсем правомерно, и называет их факультативными уровнями или суперуровнями, впрочем, без разъяснения смысла этих терминов.

В коллективном труде «Общее языкознание. Внутренняя структура языка» [18, с. 92—116] содержится теория Т. В. Булыгиной и Г. А. Климова, в которой, кроме знаковых уровней — морфемы, слова, предло-

жения, авторы, исходя из асимметрии языкового знака, выделяют еще незнаковые уровни — раздельно в плане выражения и в плане содержания. В плане выражения выделяются следующие уровни: фонема, слог, фонологическое слово, фонологическая фраза. В плане содержания в качестве низшего уровня выделяются элементарные значения, которые имеют различный характер в лексике и в грамматике. В лексике это семы, в грамматике — отдельные элементарные грамматические значения словоформы. На следующем уровне это лексическое и общее грамматическое значение. Более высокие уровни составляют значение слова в целом (или ономата) и предложение. Все эти единицы, как знаковые, так и незнаковые, выделяются на основе научного анализа, а не реального использования их в речи говорящими, и, следовательно, относятся к области языка как более абстрактной. В речи говорящие используют не фонемы или слоги (они не знают ни сем, ни элементарных грамматических значений), а высказываются предложениями, которые составляют из слов.

Ю. С. Степанов [19, с. 218—220] исходит из свойства вариативности языковых единиц в речи и различает единицы абстрактные и конкретные. Абстрактными являются фонема, морфема, слово, структурная схема словосочетания, структурная схема предложения. Конкретными — аллофон, морф (или алломорф), слово (конкретизированное в речи), словосочетание, предложение. Необходимость различения в языке уровней абстрактных единиц и конкретных автор обосновывает тем, что только между конкретными единицами существуют конституентные отношения: аллофоны составляют морф, морфы — слово, слова — словосочетание и предложение. По мнению автора, неверно утверждение, что фонемы образуют морфему или морфемы образуют слово, потому что ни слово, ни морфема не состоят из абстрактных единиц. Поскольку конкретные единицы, по признанию автора, являются реализациями (или репрезентациями) абстрактных, а реализации эти могут происходить только в речи, складывается представление, что конкретные единицы есть единицы речи. Однако в действительности это не так. Говорящие не знают никаких аллофонов, никаких алломорфов. Все это — результат научного анализа, а в отношении аллофонов — даже с применением специальных аппаратов. Говорящие оперируют словами, а если поставить перед кем-нибудь из них вопрос о составе слова, то грамотный человек может разделить слово на фонемы и указать в нем наиболее ясно выделяющиеся морфемы. Но ни аллофонов, ни алломорфов никакой говорящий на данном языке, даже высокообразованный (за исключением лингвиста), не различает. Конкретные слова, словосочетания и предложения автор рассматривает только как репрезентации абстрактных слов и структурных схем; вся речевая специфика их в данной классификации не учитывается; следовательно, и они рассматриваются по существу как конкретные единицы языка. Таким образом, и классификация уровней Ю. С. Степанова имеет в виду уровни языка, но не речи (что, конечно, не умаляет ее значения).

При разработке более всеобъемлющей классификации уровней речи-языка прежде всего нужно учитывать, что единицы речи-языка разделяются по функциям на строевые, номинативные и коммуникативные.

Самый нижний уровень, как общепризнано, составляют фонемы. Над ними возвышается уровень морфем, причем между ними существует конституентное отношение: морфема состоит из фонем. То, что в речи фонема физически бывает представлена рядом аллофонов, не имеет значения, потому что речь — это не физический процесс, а социальное явление, природа которого определяется коммуникативной функцией. А в коммуникативной функции речи выступают фонемы, а не аллофоны. При этом фонемы и морфемы входят в речь через язык; непосредственно они являются строевыми единицами языка. Над морфемами располагается уровень слов, причем он подразделяется на языковой и речевой. Слово с его основными, общеизвестными значениями в том виде, как оно содержится в памяти языкового коллектива и представлено в словарях, есть номинативная единица языка. Контекстное слово с его особым вариантом значения, особым оттенком и особой экспрессией есть коммуникативная единица

речи. При этом нельзя игнорировать тот факт, что в речи слово входит в состав предложения, грамматически связываясь с другими словами, т. е. в виде той или иной словоформы. Уровень словоформ, также речевой, помещается рядом с уровнем слов над уровнем морфем. То, что над уровнем морфем находятся рядом два уровня — слов и словоформ, объясняется тем, что морфемы по функции разделяются на словообразовательные и словоизменятельные; первые входят в состав слов, вторые — в состав словоформ. Над словоформами (и словами) поднимается уровень предложения. Но как словоформы, так и предложения характеризуются прежде всего определенными структурами, которые удерживаются в памяти языкового коллектива в виде определенных типов, моделей. Модели словоформ мы называем грамматическими формами слов, модели предложений — структурными схемами. Эти единицы относятся к языку, составляют в нем два верхних уровня. Уровень грамматических форм находится над уровнем морфем (словоизменятельных), рядом с уровнем слов (находящимся над словообразовательными морфемами). Слова являются номинативными единицами, а грамматические формы — строевыми. Структурные схемы предложения — также единицы строевые; но, в отличие от фонем и морфем, которые являются строевыми единицами слова, грамматические формы и структурные схемы являются строевыми единицами предложения. В речи есть только одна чисто речевая строевая единица: контекстное, коммуникативное слово в определенной словоформе. Но поскольку эта единица существует только в предложении и коммуникативной сущностью последнего определяются все ее свойства, она, будучи строевой, является вместе с тем коммуникативной.

Возникает принципиальный вопрос: если структурная схема предложения является верхней единицей языка, а конкретное предложение — верхней единицей речи, причем структурная схема реализуется в предложении, можно ли низводить структурную схему до строевого элемента предложения? Возможность и даже необходимость такого решения становится ясной при учете общего соотношения между языком и речью. Конечно, структурная схема — особая строевая единица, по своему объему равная предложению, но предложение есть не просто репрезентация или реализация структурной схемы, в нем реализуются функции и слов и словоформ, а вместе с ними — и абстрактных слов, и грамматических форм. Все дело в том, что язык есть материал для речи, и поэтому все его единицы служат не для того только, чтобы создавать структурные схемы предложения, но, главным образом, чтобы создавать конкретные предложения как выражения мыслей, чувств и воли. Следовательно, высшей единицей и для речи, и для языка является речевая единица, служащая главным звеном в выражении сознания. Такой единицей является предложение. В нем не только реализуется структурная схема, но и находят свое применение слова как номинативные единицы. Превращаясь в единицы коммуникативные, они входят в предложение в определенных словоформах и сочетаются между собой грамматически соответственно творческому построению выражения говорящим. А в словах и словоформах осуществляются функции фонем и морфем. Предложение есть высшая единица речи, в которой осуществляются функции и синтез всех других единиц и речи, и языка. Как единица предложение является составным элементом более крупного образования — текста. Текст же не входит в состав какого-то более крупного речевого образования, он, следовательно, не является единицей, он есть речевое произведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г. В. Проблемы коммуникативной лингвистики. — ВЯ, 1979, № 6.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
3. Бассин Ф. В. У пределов распознанного: к проблеме предречевой формы мышления. — В кн.: Бессознательное. Т. III. Тбилиси, 1978.
4. Лазарев В. В. Философия и лингвистика. Ростов-на-Дону, 1983.
5. Бондарко А. В. Основы построения функциональной грамматики. — ИАН СЛЯ, 1981, № 6.

6. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* О значении научного языкознания для психологии мысли.— В кн.: Вопросы теории и психологии творчества. Харьков, 1907.
7. *Чесноков П. В.* Логическая фраза и предложение. Ростов-на-Дону, 1961.
8. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. I. Л., 1925.
9. *Галкина-Федорук Е. М.* Суждение и предложение. М., 1956.
10. *Бабайцева В. В.* О выражении в языке взаимодействия между чувственной и абстрактной ступенями познания действительности.— В кн.: Язык и мышление. М., 1967.
11. *Стеблин-Каменский М. И.* О предикативности.— Вестник ЛГУ, 1956, № 20, вып. 4.
12. *Ries J.* Was ist ein Satz? Prag, 1931.
13. *Виноградов В. В.* Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения.— ВЯ, 1954, № 1.
14. *Распопов И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
15. Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
16. *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
17. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1907.
18. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
19. *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. М., 1975.